

В. А. Мякотин

ВЫДЕРЖКИ ИЗ БУДУЩИХ МЕМУАРОВ ВЫПУСКНИКА ИСТФАКА, ИЛИ КАК ПРОХОДЯТ ЮБИЛЕИ

Пятница. Тринадцатое. На двадцатипятилетний юбилей выпуска групп № 981 и № 982 исторического факультета ТГУ пришло четырнадцать человек из тридцати шести окончивших.

...Прошло двадцать пять лет после нашего выпуска. Как-то по инету моя родная сестра Валерия – выпускница филфака ТГУ 1987 г. – нашла однокурсницу Илонки, моей жены и выпускницы истфака, – Кэт Белых (филологический факультет ТГУ 1982 г. выпуска). И закрутилось...

Повиснув в сети и сев на телефоны, мы нашли многих сокурсников и друзей по истфилу университета. Это и Евгений Басов – заместитель главы администрации г. Ялуторовска, и его жена Надежда – хранитель фондов Ялуторовского музея декабристов, и Екатерина Белых – ответственный секретарь газеты «Ялуторовская жизнь», и Владимир Клевцов – подполковник МВД, и Ольга Гуртовая – сотрудник ТОГИРРО, и Людмила Ченских – сотрудник ТНК, и Сергей Кондратьев – декан исторического факультета ТГУ, или, как сейчас это звучит, директор Института истории и политических наук ТюмГУ, с супругой Тamarой, и Сергей Панарин – доцент кафедры политологии того же ИИиПН ТюмГУ, и Анатолий Долгих – сотрудник строительной компании в Тюмени.

Из будущих мемуаров: *Сотовый телефон Сергея Кондратьева долго не отвечал. Я уже собрался нажать кнопку отбоя, но тут в трубе раздался голос.*

– Алло!

– Здравствуйте, это Сергей?

– Здравствуйте! ...Сергей... Витальевич...

– Привет, Сережа. Это Владимир Мякотин. Ну, можно и Александрович.

– Володя! Привет! Да просто Сергей!

Вопросы, ответы...

– Двадцать пять лет... Неужели? Как ребята? Те – там, эти – тут... Жены... Дети... Внуки... Нужно обязательно встретиться! Конечно, все-таки двадцать пять лет прошло... Был на сайте



Краткая
биографическая
справка

**Владимир
Александрович
МЯКОТИН**

Историк. Писатель.
Издатель.
Родился 21 июня
1960 г. в городе
Каменске-Уральском.
В 1983 г. окончил
исторический факультет
Тюменского государ-
ственного университета,
кафедра всеобщей
истории.
1983 г. Научный сотруд-
ник Каменск-Уральского
краеведческого музея. ⇒



С. В. Кондратьев

⇒ 1984 г. Директор музея Уральского алюминиевого завода.
 1985–1986 гг. Заместитель заведующего отделом средневековья Пловдивского археологического музея (Республика Болгария). Принимал участие в археологических раскопках под эгидой ЮНЕСКО форума Филипополиса (IV в. до н.э.), Асеновой крепости (IX в.) и Бачковского монастыря (XI в.).
 1987–1992 гг. Директор музея треста «Уралалюминстрой».
 1993 г. Президент рекламной фирмы «АРС». Генеральный директор Издательского Дома «АРС».
 Организатор и руководитель экспериментальных выставок художников и архитекторов г. Каменска-Уральского. Руководитель проекта и издания серии мультимедийных компакт-дисков «Каменск-Уральский – 300 лет», «Каменск Юбилейный», «Часовня Святого Александра Невского».
 Автор и один из разработчиков Интернет-порталов, электронных визитных карточек администрации и предприятий г. Каменска-Уральского.
 Автор семи книг. Печатался в многочисленных сборниках, газетах и журналах РФ.
<http://clio.ucoz.ru>
 E-mail: clio@pisem.net



С. Панарин

университета, вас нашел... Напиши на электронную почту телефоны... Обязательно все скину на мыло...

– С Сергеем Панариным поговорить хочешь?

– Конечно, хочу. Мне его телефон домашний дали. Позвоню обязательно.

– Да тут он...

– Володя, привет! Это Сергей Панарин.

Вопросы, ответы...

– Как вы? Да работа... Все там же... Все то же... Вы-то как? Супруга... Их дочь у меня училась... Передавай приветы! И вам тоже! Приедете? Конечно! Обязательно соберемся...

...Вдруг в трубе раздается до боли знакомый звук... хрустальной нотой Эоловой арфы зазвучала мембрана мобилы... серебряным ручейком жжжжурчала божественная амброзия...

– Слышишь? Мы тут за тебя налили.

– Слышу, я сейчас.

Достаю бутылку болгарской сливовой ракии и чокаюсь с телефоном.

– За нас, ребята!

Место для встречи было выбрано историческое во всех смыслах этого слова – памятник Борцам революции в сквере возле главного корпуса университета. Тут когда-то мы и встретились на вступительных экзаменах, тут учились почти все университетские годы, тут и собрались по прошествии 25 лет. Памятник как памятник, стоял столько лет и еще простоит. И сорок сороков раз будут встречать абитуриентов, студентов и выпускников университета крестьянин и рабочий революционной Тюмени стреляющей, в определенный момент, винтовкой.

Из будущих мемуаров: Первое мое знакомство на абитуре было с Мишей Аникановым. Мишка был коренным москвичом и хиппи с Арбата. Его отец работал директором московского аэропорта Внуково, сам Миша окончил элитную спецшколу с золотой медалью. Одним словом, золотая молодежь. Со всеми вытекающими отсюда...

Его выперли из столицы в преддверии Олимпиады-80, дабы не засорял улицы и проспекты города-героя Москвы. А, если учесть, что всех бомжей, бичей и прочих алкоголиков выслали из Москвы на 101 километр, а Михаила отправили в Западную Сибирь, на места ссылки декабристов, то сами можете представить масштабы его личности.

Мишка после сдачи экзамена по истории был автоматически принят на истфил... Истфил... Как это сексуально звучит... Историки любят филологов, филологи любят историков... Кстати, именно историки переженились на филологинях...

Миша постоянно ходил в широкополой черной шляпе, короткой женской плюшевой, черной же, кацавейке, наброшен-



ной на голое тело, с галстуком на тощей шее, и в широченных штанах. Иногда вместо галстука надевалась синяя клетчатая рубаша. Пару раз Мишка приходил в школу в пиджаке с разными брюками, в той же рубаше и галстуке на ней. Но всегда это было только у Кербса на занятиях немецким языком. Надо сказать, что еще на самом первом занятии Кербс сказал: «Михаил! Мы будем с Вами заниматься по индивидуальной программе!»

Миша знал историю лучше самих преподавателей. Причем об этом говорили сами преподаватели. Посещал все лекции и семинары. Устроился жить в старинное здание общежития ТГУ на Семакова, напротив главного здания университета (на этом месте сейчас располагается библиотечный корпус ТюмГУ). Он пролетал по кривым коридорам старинного купеческого здания с высоченными потолками и с комнатами, узкими и высокими как колодцы, неизменно босиком и с вечным обгоревшим чайником с чифирем. Где был он — был праздник. Но своего рода... Я любил бывать у Мишки в гостях. Он непременно наливал мне водки, угощал чифирем и табаком. Ночами он сидел в лунном свете на подоконнике с распахнутым окном и одну за другой заглывал книги философов, поэтов, историков, писателей. Большинство — на языке оригинала...

Он продержался удивительно долго — до конца второго курса. Уже перед летней сессией его выгнали. И не его одного.

Фото 982 гр.
В день вручения дипломов, 1983 г.
Сергей Горюное,
Вячеслав Лебёдкин,
Ильдар Шаранов,
Владимир Клевцов,
Сергей Панарин,
Ирина Буторина,
Наталья Плотникова,
Тамара Олейникова,
Татьяна Романова,
Светлана Захарова,
Галина Томашенко,
Нина Сальбах,
Нина Баженова

Миша Аниканов с нашими же историками Борей Кузнецовым и Андреем Щукиным ночью решили с четвертого этажа из окна на простыне спуститься к девочкам в комнату на третьем этаже. Те испугались, вызвали наряд милиции. Все бы ничего, если бы Мишка на немецком, французском и английском языках в обезьяннике всю ночь не материл бы ментов. То, что им было сказано, они, за отсутствием знания этих самых языков, конечно, не поняли. Но самую пролетарскую суть уловили...

Их отчислили. Кузнецова забрали в армию. А Мишка пропал. Говорили, что он вернулся в Москву, устроился наборщиком в одну из столичных типографий. Поступил в МГУ. Окончил институт восточных языков. И продолжал жить так, как ему нравилось...

Потом была небольшая экскурсия по местам с общим направлением на новый (во всяком случае, для меня) корпус исторического факультета. (Можно я по старинке буду Институт истории и политических наук ТюмГУ называть истфаком ТГУ?) Встреча с Сережей и Тamarой Кондратьевыми уже в качестве декана и преподавателя истфака. Про Сережу Панарина и не говорю, он с самого начала был задействован в юбилейных мероприятиях.

Что должен вам сказать... Более 20 лет не был в Тюмени. В процессе подготовки приехал и обомлел. Великолепным городом стала наша Тюмень. Много где был за прошедшие годы, много что видел. И не только в России. И могу с полным основанием сказать, что Тюмень хороша... И не просто хороша, а в лучшую сторону отличается от того же Екатеринбурга, за фасадами новых зданий которого проглядывают обшарпанные старинные здания или постройки времен исторического материализма, и от столицы нашей родины, города-героя, возросшей на финансовых дрожжах всей России.

Старинный центр Тюмени не испорчен, а дополнен новыми зданиями. Зеленые цветочные и лиственные скверы и парки в каждом квартале с лавочками, мерцающие радугой фонтаны... Ах, мечта каждого уральского идиота! Пройдя всю Тюмень из конца в конец по Республике и Ямской, не просто оценил, но и пристроился, помахал, поболтал ногами и прочими частями во всех фонтанах и скверах и остался страшно довольный. И жена, выпускница филфака ТГУ, тоже.

Великолепно отдельное здание института истории. Только одно скажу. Картины на стенах... И какие! Много лет работаю профессионально с уральскими художниками, и могу сказать, что стены коридоров и аудиторий истфака украшают достойные работы тюменских живописцев. Подборка картин соответствует самому зданию исторического факультета. Миль пардон, в данном примере именно Института истории и политических наук. Про само здание промолчу. Просто очень рад и за студентов, и за сотрудников любимого факультета.



Сергей Кондратьев, в роли декана, провел экскурсию по зданию, одарил всех компакт-дисками и книгой о факультете, Сергей Панарин в это же время готовил компьютерную презентацию своих и факультетских воспоминаний. И показал...

Из будущих мемуаров: 1 сентября 1978 года. Первый учебный день нашего курса. Что было в начале — не помню в силу пресыщенности впечатлениями своих первых студенческих часов. Что было потом — помню отлично. Сергей Панарин во главе всех — и рабфаковцев, и только что окончивших школу, повел студентов обеих групп знакомиться. В шашлычную возле Центрального рынка. И девочек тоже...

Вот первые совместные фото. Вот рабфаковцы отдельно. Вот фото группы всеобщей истории, а вот и историки СССР. Вот первые демонстрации...

Только много позже мы узнали, что по конкурсу в этот год на одно место исторического отделения претендовало не двадцать с чем-то там человека, а гораздо больше. Дело в том, что после окончания годовых подготовительных курсов историко-филологического факультета было зачислено четырнадцать рабфаковцев. Это Анатолий Долгих, Ильдар Шаратов, Сергей Панарин, Сергей Кондратьев, Владимир Клевцов, Нина Сальбах, Татьяна Романова, Лариса Крылова, Галина Томашенко, Тамара Курочкина, Галина Логинова, Вячеслав Лебедкин, Евгений Романов, Михаил Пономарев. Позже на очное отделение был

*Фото 981 гр.
Лето 1980 г.
Верхний ряд
(слева направо):
Владимир Мякотин,
Ирина Ланшакова,
Лариса Крылова,
Игорь Хмелев.
Средний ряд
(слева направо):
Светлана Затонская,
Елена Сизова,
Сергей Панарин,
Ольга Гуртовая,
Светлана
Борисовская.
Нижний ряд
(слева направо):
Светлана Захарова,
Сергей Горюнов,
Галина Лаптева,
Анатолий Долгих,
Надежда Игошева*

зачислен Сергей Горюнов, Анатолий Долгих после третьего курса перевелся на заочное отделение, Сергей Кондратьев поехал доучиваться в ЛГУ, кто-то был отчислен за неуспеваемостью. Но основной костяк рабфаковцев окончил наш университет, и кто-то даже в нем и остался.

Летняя сессия и первая университетская практика — археологическая. Уже позже у меня были и работа заместителем отдела средневековья Пловдивского археологического музея, и раскопки античного форума Филиппополиса, и работа под эгидой ЮНЕСКО на Асеновой крепости, одной из крепостей Византии, защищавшей границы империи на севере в Родопах, и совместные раскопки с археологами Софийского исторического музея ставропигиального Бачковского монастыря и костницы IX в. в Южной Болгарии. Но эти неолитические раскопки на Андреевском озере остались в памяти на всю жизнь...

Из будущих мемуаров: Студенты исторического факультета Тюменского государственного университета поехали на первые свои археологические раскопки неолитических жилищ Андреевского озера, что вблизи Тюмени. Девочек, как всегда, было много, ребятшек поменьше. На каждого мальчика по шесть-семь девочек. Меня лично это всегда устраивало.

На обустройство лагеря ушло все светлое время суток, и о хлебе насущном никто не позаботился, банкет по поводу первых раскопок начался незамедлительно после установки палаток с принятия вовнутрь завезенного как раз накануне во все магазины Тюмени семилетней выдержки кубинского рома «Гавана-Клуб»...

Воспоминания очевидцев. Мякотин танцевал вальс впервые в жизни, пел песни под аккомпанемент гитары, сам себе же и аккомпанируя. Падал лицом в костер, был спасаем сердцеболями окружающими, причем проделывалось это несколько раз кряду как Мякотиным, так и окружающими. Был несколько раз отправляем спать в им же самим поставленные палатки, и столько же раз возвращался обратно. После чего все сообщество потащило Мякотина укладываться баиньки, что вызвало резкий недипломатический протест убаюкиваемого.

Всеобщими усилиями был водворен в палатку, закрыт на все молнии, после чего, не найдя впотьмах выход, оглашал всю округу раскрытием глаз на друзей, коллег и соратников...

Утро... Собственные смутные воспоминания. Проснулся от выдергивания себя из палатки за ногу... Высказал свое нелицеприятное мнение по поводу столь не гламуренького способа свидания с окружающей реальностью. Позже оказалось, что мнение выслушали руководители экспедиции в ранге кандидатов исторических наук...

Преподаватель истории Древнего мира Игорь Николаевич Сосновкин подшофе, за лагерным столом с немудреной трапе-

зой на археологической практике говорил нам: «Ребята, никогда не занимайтесь археологией, историей Древнего мира или Средних веков. Да, конечно, интересно. Но вы всю жизнь будете копать в земле, и никогда не поднимитесь выше кандидатов исторических наук. Берите пример с Вани Климова. История КПСС — это то, что нужно...»

Иван Павлович Климов преподавал у нас историю КПСС. Всегда бойкий и жизнерадостный, он заходил в аудиторию, одной рукой открывал свой кожаный портфель, доставал рукописи и бодрым баритоном начинал вещать. Повторять не буду, но этого лично мне хватило на всю оставшуюся жизнь...

Из будущих мемуаров: *Мой сон прервали звуки похоронного марша... Медленно открыв глаза, я увидел огромный фолиант «Краткого курса истории ВКП(б)», лежащий на середине комнаты. Толик Назаров играл похоронный марш. На гитаре.*

Все это происходило в нашей комнате № 437 на четвертом этаже в крыле истфила общежития ТГУ на улице Мельникайте. На первом этаже располагались читальный зал, буфет, душевые и комната коменданта. На втором жили преподаватели. Все остальное занимали студенты. Классическая коридорная общага, с кухнями и туалетами в конце коридоров, с курилками на запасных лестницах между этажами. По всем комнатам, кухням, помещениям, как вездесущее привидение, сновала Хиросима, зама коменданта общежития. Она была так длинна и тоща, что вызывала ассоциации с суповым набором.

Наше крыло было в привилегированном положении. Историко-филологический факультет — единственный из факультетов ТГУ, который учился со второй смены. Пары начинались в два часа дня (не считая нулевых — те начинались в 12:00) и заканчивались в восемь вечера. Потом я и мои сожители по комнате, историки Женя Басов, Толик Назаров и филолог Коля Литенков, спешили заскочить перекусить в подвальчик — пельменную на Республике, или в «Блинную» на Первомайке, в крайнем случае, в кафе «Ямал» в районе Мельникайте. Часов в десять, возвратившись домой, мы начинали полноценную ночную жизнь.

А надо вам заметить, что и телевизионка, и настольный теннис находились в нашем крыле, и даже танцы проходили всегда в холле нашего этажа. Все факультеты укладывались спать, а мы только-только входили в ритм жизни. Кухня наполнилась ароматами еды, в комнатах открывались бутылки, заваривался чай, все и все перемешивалось. Если жили в общежитии, сами знаете...

Гудели часов до пяти-шести утра, а когда все другие факультеты звонками своих будильников оповещали нас о приходе утра, мы укладывались спать. Причем, не всегда в своей кровати. Кто где успел, тот там и заснул... После ухода всех в школу, утренний и дневной сон истфила нарушали только сквозняки и шуршание мышей.



СОСНОВКИН

Игорь Николаевич (27.03.1921, г. Волхов Петроградской губернии — 17.05.1987, г. Тюмень) — кандидат исторических наук (1956), доцент (1968), участник Великой Отечественной войны, инициатор археологических исследований на оз. Андреевском, редактор первого в Тюменском университете серийного издания «Вопросы археологии Приобья» (1976).

В этот раз мы заснули дома. Мой сон прервали звуки похоронного марша (см. выше).

– Толик, что за траурное настроение?

– А ты глянь...

Я встаю, подхожу к фолианту, поднимаю его... А под ним лежит в лепешку раздавленная мышь.

И не наАда по утрам по нашей комнате ползать! ВКП(б) не одно поколение советских людей собой накрыло. А уж мышь «Кратким курсом...» раздавить, так ваааще плевое дело...

СТЕПАНЕНКО

Иван Васильевич
(29.09.1905, г. Макарьев Костромской обл. — после 1979) — доктор исторических наук (1967), профессор (1969). Автор более 30 научных работ, участник Великой Отечественной войны, награжден орденами Красного Знамени и Красной Звезды, медалями «За боевые заслуги», «За победу над Германией в ВОВ» и др.

Валерий Павлович Степаненко, тогда еще молодой преподаватель, но уже (в данном случае — оппонент Сосновкину на практике) защитивший в 28 лет кандидатскую диссертацию, а позже и докторскую, читал нам историю Средних веков. Примостившись в углу аудитории на краешке подоконника, забросив ножку на ножку и небрежно помахивая ею, он из-под своих роговых очков ехидно наблюдал за нами и чтой-то балагурил.

Интереснее всего происходило знакомство студентов с преподавателем кафедры научного коммунизма Василием Степановичем Овчинниковым. Он тихонько входил в аудиторию и начинал читать свои стихи... Сначала никто не обращал на него внимания, потом потихонечку устанавливалась полная тишина и в ней повисала фраза: «...я в майке вешу 86, без майки — 80 килограммов...» Историки, далекие от арифметики, начинали высчитывать вес майки, а Овчинников начинал читать лекцию. Любимой его фразой была следующая: «Никто не знает, что такое научный коммунизм. Но если вы на Государственном экзамене просто именно в той последовательности, в какой я вам их диктую, прочитаете все ответы на заданные вопросы — вы обязательно получите отличную оценку».

Самым деятельным преподавателем истфила была Светлана Степановна Сохатюк, заместитель декана. Она была столь деятельна, что без нее не обходилось ни одно факультетское мероприятие, как плановое, так и внеурочное.

И, наконец, декан факультета Владимир Алексеевич Данилов. Помню, я как-то раз опоздал на месяц в школу. Появился в тот момент, когда весь факультет во главе с деканом садился в автобусы, чтобы ехать в колхоз на картошку. Я подошел к Владимиру Алексеевичу и попросил разрешения присутствовать. Он посмотрел на меня и сказал: «Присутствуй. Потом разберемся». И разобрался — лишил меня на полгода стипендии, хотя за аналогичный проступок в это же самое время был отчислен Вася Рева.

А вот и колхозные фотоснимки. Должен вам сказать, что всем фотоделом на протяжении, как и подготовительного периода на рабфаке, так и всего нашего студенчества, заведовал Володя Клевцов. Тот еще Зоркий глаз... Это благодаря ему осталась фото-летопись нашего курса. И хранится, в разном виде и в разной сохранности, во всех архивах всех студентов истфака.

Из будущих мемуаров: Все помнят то золотое время, когда студентов, школьников, рабочих предприятий и прочих работников умственного труда срывали по началу осени пушкинской золотой, болдинской с насиженных мест и кидали на картошку, турнепс и брюкву необъятных полей нашей Родины? Кто-то на этом не меряно нарубил капусты...

Было это в то урожайное время, в ишимских степях, куда бросили студентов-историков купать овец и заготавливать заготовки, заморковлять морковки, зазерновлять... Короче, послали в колхоз помогать пьющим селянам и селянкам...

Так как попали мы в село под чудным названием Земляное в двадцати пяти верстах земляного тракта в сторону казахских степей, то и жизнь наша стала исконная сермяжная русская... Ни телевидения, ни радио, ни электричества. Лампочки Ильича там не работали еще в конце семидесятых годов прошлого века. Что есть телевидение и радио слышали, но не видели. Причем, и радио и не видели, и не слышали...

В магазинах — голяк, кормиться где-то на краю деревни... Отправили общим собранием меня и Люду Ченских обратно в Тюмень за припасами. Еды для студентов на месяц точно не напасешься, а вот чая, сахару, и прочего НЗ пару рюкзаков купили. Вернулись в Ишим в шесть часов утра, и попали в самую распутицу. Только что прошли ливни и земляные дороги раскисли так, что двадцать пять верст разве что на танке, БМП или какой другой военной технике преодолеть можно. А может и не можно...

Вышли мы на окраину Ишима с генеральным направлением на Земляное, нашли участок относительно сухой земли размером сантиметров пятьдесят метра на полтора и встали. Надолго встали, на восемь, как потом оказалось, часов...

Стоим, ждем. Песенки поем: «Здравствуй, Дедушка Мороз — борода из ваты! Ты подарки нам принес...» Ведем светские разговоры, рассуждаем о преимуществах социализма и об умопомрачительном коммунистическом завтра. Иногда на ум приходят диссидентские воспоминания кого-то из классиков о дорогах. Наверное, в светлое завтра...

И везет же, везет! В направление на Земляное идет-таки военная техника — «Урал» военного образца с экипажем водил человек в пять, которые ездили на могучей боевой технике Вооруженных сил СССР в Ишим за водкой и обратно! И согласились они подбросить нас до Земляного, но только в кузове самосвала. Места в кабине нет, попробуй-ка к пяти членам подселить еще...ну, двоих...

Побросали мы рюкзаки и гитару в кузов (а какие историки, да еще студенты без гитары? никАкушные!) и поехали... Хорошо едем, быстро. Километров шестьдесят в час.

Водила и население кабины уже были хороши до безобразия, а тут на радостях открыли второй ящик. А какой русский не любит... Вот и вмазали по газам — и водки, и педали скорости.

БЕЗ КОММЕНТАРИЕВ

Фельетон
М. Георгиева
и И. Викулова

«В КРИВОМ ЗЕРКАЛЕ»*

«Восьмые сутки шел курьерский поезд Владивосток–Москва. В одном из купе мягкого вагона ехали два пассажира: один из них инженер Василий Иванович Сухоруков ехал на курорт солнечной Грузии, второй — Андрей Васильевич Иванов — в отпуск к матери в Тюмень. Вечером поезд миновал Омск. Лежа на мягких полках, соседи разговорились. Андрей Васильевич не без скрытого удовольствия рассказывал о новой социалистической Тюмени.

— А чем же славится ваша область? — преврал его сосед.
— Вы не знаете?! Неужели Вы не слышали о косторезах, коврах, о вкусной рыбе, сибирских пельменях с пивом?

К обеду следующего дня поезд остановился у тюменского перрона. Андрей Васильевич вышел на перрон. Его решил проводить Василий Иванович, но запнулся о кучу льда, поскользнулся. Обледенелый перрон не был посыпан песком. Около выхода в город их грубо окликнула контроллер в грязной без пагон шинели.

— Вещи на весы, иначе не выпущу! — и загородила рукой проход. ⇒

* Тюменская правда.
1951. 11 февр.

⇒ — А где у вас носильщики? — спросил пассажир.

— Сегодня нет.

Неприятно стало на душе у тюменца, и, вероятно, поняв это, Василий Иванович сказал:

— Ничего, всякое бывает!

Тюменец сдал чемодан в камеру хранения и решил провести последние минуты со своим спутником. Они подошли к киоску главрыбсбыта, у которого, к их удивлению, не было ни души.

— Мне бы небольшого свежемороженого осетра, — обратился Василий Иванович.

— Свежемороженой рыбой не торгуем, — донеслось до слуха покупателей из чуть приоткрытого окна.

— Тогда отпустите килограмм сосьвинской сельди.

— Вся вышла. Вот возьмите соленой щуки.

— Щука — не рыба, говорят рыбаки. Вот настоящей бы сибирской рыбы...

— К сожалению, в нашем ассортименте она бывает редко.

— Странно, в лесу и без дров!

— Может быть, вы подскажите, где торгуют изделиями тобольских косторезов?

— Впервые слышу о них.

Сконфуженный тюменец молчал. Он был огорчен, что предстал пред своим спутником в роли хвастуна.

— Что ж, Василий Иванович, я оказался виноват. Идем в ресторан, я угощу тебя нашими сибирскими пельменями. Они-то уж, конечно, на вокзале есть, ⇒

А мы в кузове. Хорошо-то как! Дожди прошли, всю землю, луга и нивы умыли, солнышко выглянуло и улыбается во всю галактическую улыбку, вольный степной ветер развеивает кудри, как мои, так и спутницы...

Только начинаю я замечать, что земля за бортом становится все ближе и ближе... Вот один рюкзак как-то странно вперевалочку начал удаляться от нас, вот второй оказался уже у заднего борта. А гитара в свободном парении отразила лучи полуденного солнца и шмякнула по голове Людку, которая отчего-то повисла животом на цепи, скрепляющей борта самосвала по середине кузова. Тут кузов встал на дыбы и повис я, как груша, ухватившись за ограждения борта...

Вот так мы и проделали оставшуюся часть пути до Земляного... Километров пять. Просто кто-то в кабине случайно врубил рычаг включения подъемного механизма и не заметил этого.

Музейная практика после второго курса. Вот Света Борисовская, Андрей Хмелев и Лена Сизова в краеведческом музее. Видать, раздербанили фонды и позируют перед фотоаппаратом. А старинные наряды тюменских купчих и светских дамочек девочкам к лицу. А у бравого брендмейстера Хмелева, голову которого украшает пожарный шлем, в руках, почему-то, не брендспойт, а церковное кадило. А мы с Толиком Долгих в это же время в районе Ямской возле закрытого тогда еще монастыря познакомились с двуеданом, знавшим в свое время Гришку Распутина. Высокий, аскетически сухой, с длинной седой бородой и седыми же волосами, перехваченными налобным ремнем, одетый в белые домотканые одежды, он пригласил нас в отапливаемую по черному избу, где в красном углу стояли иконы и кладенцы Ермаковых времен... Результатом нашей музейной практики явилась экспозиция музея «Штаб-квартира Блюхера».

...Ночами мне иногда снятся кошмары. Я не сдал сорок тысяч знаков перевода с немецкого языка. Кербсу. Вскиваю с постели и судорожно начинаю думать, что срочно нужно... И понимаю, что это уже минуло.

Из будущих мемуаров: У нас в университете существовала межфакультетская кафедра иностранных языков. Возглавлял ее кандидат филологических наук, доцент Александр Готфридович Кербс. Педагоги этой кафедры преподавали иностранные языки студентам всех факультетов, кроме факультета романо-германской филологии, то есть иняза.

Сам Александр Готфридович *lehrt* Hochdeutsch нам, студентам исторического факультета, и преподавал очень хорошо. Но педантично, скрупулезно и занудно, как самый настоящий немец. Да, в общем-то, он немцем и был. Совсем недавно узнал, что после объединения Германии Александр Кербс уехал к своим родственникам в один из Франкфуртов. Надеюсь, что на Майне...

...Люблю я джинсы. Очень. Хотя и костюмы люблю тоже. А в студенческие годы джинсы были самым дефицитным и дорогим товаром. И все студенты ходили в джинсах. Но, кроме того, у меня и рубашечка всегда была почти до пупа расстегнута. И как-то после первого часа пары немецкого языка Александр Готфридович обратился ко мне:

— Владимир, я бы попросил Вас впредь в таком виде больше не являться ко мне на занятия.

Ну, попросил и попросил... Культурно и очень воспитанно. И, смею вас уверить, по делу.

Решил я уважить просьбу Александра Готфридовича и на следующий день пришел на семинар по немецкому языку в костюме и бабочке. Бабочку специально искал. Не галстук — галстуков у меня и тогда, и сейчас полно, а, именно, бабочку, и нашел... Не помню у кого...

После первого часа семинара Александр Готфридович подошел ко мне при всех студентах нашей группы пожал руку и сказал:

— Владимир! Я должен Вас поздравить — Вы сегодня заново родились на свет!

Забегая вперед, скажу, что в таком виде, в костюме и бабочке, я ходил к Кербсу на каждое занятие, вплоть до госэкзамена.

Наши учителя иностранных языков, может быть, и знают, как преподавать язык, но уж точно не знают, как язык звучит... Фонетика, то есть, у них страдает. Ну и, соответственно, у нас.

Так с чего начал Кербс преподавать нам немецкий язык? С того, что сказал: „Забудьте все то, чему вас учили в школе. И начнем все заново!“

Перво-наперво Александр Готфридович задал нам выучить стихотворение Гете... Там была такая строка: «In seinem Löwengarten saß König Franz...» Эту строку я запомнил на всю оставшуюся жизнь. В стихотворении было так много всяких там шипящих, умляутов и диалектизмов, особо важных для изучения немецкого языка, что Кербс ставил зачет за первое полугодие первого курса только после правильного произношения как этой фразы, так и всего этого стихотворения в целом. А у меня, с моим слухом и легким грассированием, не то что весь стих, а даже эти „лееевенгаартен“ und “кееениххх” и не получались.

Александр Готфридович жил в нашей же общежитии (кстати, очень много педагогов не имели тогда своих квартир и жили на втором этаже общежития на Мельникайте. Бедные студенты... да и преподаватели тоже). Он приходил к нам каждый вечер, и заставлял меня и Женьку Басова учить это стихотворение и читать ему... Женька все-таки выучил и получил зачет, а у меня ну никак не получалось. Кербс уверял, что, если я не сдам зачет, то он обязательно поставит вопрос о моем отчислении.

...Все уже давно сдали первую сессию и спокойненько отдыхали на зимних каникулах, а я в пятый раз шел к Кербсу на зачет и с выражением этого самого короля Франца, сидящего

⇒ а заодно и по кружечке пивка выпьем.

— Слышал я про ваши пельмени. Ведь не зря же их славят даже в кинофильме.

Тяжелая дверь ресторана со скрипом открылась перед ними. Усевшись за один из столиков, они сразу же заметили: нигде не было ни перца, ни горчицы, ни уксуса. Не на всех столах стояли даже солянки с черной и крупной, как горох, солью.

— Ну и порядки, — многозначительно произнес один из них. На грязной и старой скатерти лежал измятый кусок грубой оберточной бумаги — меню ресторана вокзала. Жадно бегая глазами по его строчкам, Андрей Васильевич облегченно вздохнул. — Сибирские пельмени есть!

Подошла официантка: — Пельменей нет, есть только щука и та без гарнира. Пива нет. Оно бывает редко.

Андрей Васильевич был обескуражен. Иван Васильевич сказал тюменцу: — Уж приглашайте гостей в ваш город таким стишком:

Если есть у вас пельмени —
Заезжайте к нам в Тюмень.

Мы их любим, не торгуем —
Стряпать нам их стало лень!

С тяжелым чувством покинул здание своего вокзала Андрей Васильевич. Продав на морозе довольно долго, он все-таки дождался автобуса и отправился к родным. Автобус мчался ⇒

⇒ по широкой асфальтированной улице, по краям которой, окруженные металлическим штакетником, стояли в зимнем одеянии молодые липы. Тюмонец видел как изменился город, каким благоустроенным он стал, сколько нового появилось в нем за прошедшие три года. И от этого еще обидней стало Андрею Васильевичу за тех, кто зеркало города — вокзал — сделал кривым».

в своем львином саду и пытающегося кого-то из своих приближенных скормить этим же самым львам, декламировал: *"In seinem Löwengarten saß König Franz..."*

Не знаю, смог ли я верно прочитать это стихо, или Кербс все-таки решил, что мы квиты по поводу бабочки, но зачет я получил.

Только уже через добрый десяток лет, находясь в Германии с нашими гонщиками по ледовому спидвею, чемпионами мира Виталием Хомицевичем и Иваном Ивановым, я понял, как был прав Александр Кербс, заставляя нас учить иностранные языки. И не только учить, но и разговаривать, правильно произнося слова и целые фразы.

Случилось так, что я был единственным во всей команде, кто мог объясняться с немцами. Я спрашивал у таксистов и пешеходов, как в Берлине найти нашу гостиницу, объяснялся с полицией, почему мы пять раз в течение часа пересекли немецко-голландскую границу, не заметив этого, был выносим под восторженный рев толпы охранниками и той же полицией с церемонии официального открытия Финала Чемпионата мира по Ice Speedway на Центральном стадионе Берлина и объяснял на своем замечательном Hochdeutsch, путая русские, немецкие и болгарские слова, как это я пробрался в VIP-ложу без документов... А вот, учите языки, господа. И они вас доведут!

Но без казусов все же не обошлось... Очень мне хотелось попробовать знаменитую тушеную свиную ножку Eisbein. Подается такая ножка (только вот не ножка это, а огромный свиной окорок) на огромном блюде с гарниром из вареной картошки, тушеной капусты и с нежно нелюбимой мною гороховой кашей. С огромной кружкой доброго немецкого пива...

И вот ночью, освободившись от видеосъемок и переводов, я пошел погулять по ночному Берлину в районе Теффель. Зашел в типично берлинскую пивную и, бравинуя своим, считай уже берлинским, произношением, сказал: *"Fräulein! Ein Großbier und ein Eisbein, bitte!"* Все посетители пивной внезапно замолчали и уставились на меня... Официантка медленно и широко открыла рот и, помолчав некоторое время, ответила: *"Moment, mein Herr! Setzen Sie sich!"* И ушла. Через пару минут она на подносе принесла мне огромную кружку берлинского пива и запотевший бокал белого вина.

Я, как будто делал так всю свою сознательную жизнь, отпил глоток чудесного вина и, закурив, начал потягивать пиво... А ведь прав был Кербс — нужно было обязательно учить фонетику. Ведь вместо заказа на Eisbein — свиную ногу, я заказал Eiswein — "Ледяное вино". И тут я понял, что заставило всех посетителей и служителей пивной считать меня полным идиотом. Ведь только русский (а то, что я русский, было написано на их удлинившихся физиономиях и было понятно даже мне самому) будет запивать пивом не тот же шнапс, а исключительно ценный и редкий сорт

белого сухого виноградного вина, производимого только в долине Рейна, и только из одного сорта винограда, обязательно прихваченного морозцем. Это не укладывалось в их заплесневевшие бюргерские мозги, да и в мои, собственно, тоже...

Я с удовольствием допил сначала вино... Потом пиво... Потом расплатился с официанткой, оставив ей чаевые... И ушел в берлинскую ночь.

Прав был Кербс, ой как он был прав, заставляя нас учить немецкий язык не для оценки, а для себя же...

А вот и пионерская практика. Толик Долгих в женском халатике, в пилотке и со своей вечной бородой, Андрей Хмелев с гривой роскошных волос, в макияже, и расписной цыганской юбке, Света Борисовская в мужских рубашке и брюках, кокетливо подвязанных под коленом розовыми тесемочками, стройная, спортивная Надюша Игошева, Мякотин с гармошкой наперевес и с кокетливым пестрым шарфом на шее, всегда серьезная Светлана Захарова на комическом футболе... Поход с песнями по просторам Западной Сибири с заходом на привал на Черную речку, где на кусок лески с гайкой и одним крючком были пойманы огромные ленивые караси, тут же изжаренные на костре на ивовых прутьях.

В продолжение пионерской — педагогическая практика в школах Тюмени. Некоторые студенты по окончании ТГУ стали классными педагогами. Это и Светлана Борисовская, и Надежда Игошева, и Вячеслав Лебедкин, и Галина Томашенко, и Нина Баженова, и Наталья Плотникова, и Светлана Захарова. А Сергей Панарин, Сергей и Тамара Кондратьевы учат детей своих однокашников в стенах своей же Alma Mater.

Июнь 1983 г. Вручение дипломов выпускникам истфака ТГУ. Подошел ко мне Ильдар Шарапов и попросил привинтить университетский поплавок к лацкану пиджака. Ну, я и привинтил. Только что прикрыл его рукою и погрустнел. А потом открыл и заулыбался. А потом опять прикрыл и стал смурее тучи. А потом открыл — на лице, как солнышко взошло. Ребята кругом стоят, байку ждут. Ильдар и спрашивает: «Что такое?» «Как что, — отвечаю, — нет поплавок, так дурак дураком... А есть поплавок — молодой специалист!»

Из будущих мемуаров: Кто такой Ильдар Шарапов и почему я его вспомнил? Был среди рабфаковцев местный абориген — сибирский татарин Ильдар Шарапов. Очень он уж Ермака не любил, считал его завоевателем, причем злостным. Если бы не Ермак Тимофеевич, была бы Сибирь-матушка как вторые Соединенные Штаты, а может и еще круче. Вот этой проблематикой Шарапов и занимался...

Близко познакомились мы с Ильдаром на мойке овец. Работа была проста до примитива. Нужно было очистить шерсть от паразитов. Стадо загоняли на помост в одном загоне. Помост

уезжал из-под ног овец, они падали в раствор химикатов и выплывали, если не тонули, в другом загоне. После чего все стадо стригли, и шерсть пускали в дальнейшее производство.

В перерывах между отарами мы спорили по поводу истории и перспектив Западной Сибири. Ильдар, естественно, отстаивал позицию самостоятельного, отличного от российского, пути развития Сибири. Я же выступал с точки зрения российского великодержавного шовинизма.

Приключения начались сразу же... Перво-наперво запили техники-мотористы этого самого помоста и нам, мне и Ильдару, срочно пришлось осваивать смежные специальности. Ильдар, значит, загоняет овец, а я нажимаю кнопку этого самого помоста. Потом меняем места. А загнать овец, скажу я вам, дело ой какое не простое. Не даром говорят: «туп, как баран»... Мало того, что туп, так еще и стаден. То не идет ни в какую, а то ломанет так, что не приведи Аллах на пути оказаться! Вот так и ухнуло все стадо на помост. Ильдар орет: «Включай!», я, соответственно, жму кнопку... И, как-то краем глаза замечаю, что нет на помосте ни стада, ни Ильдара... А из кишасщего овцами химраствора раздается очень даже русский мат нашего сибирского поборника татарской самостийности.

Как вы думаете, кто пришел к финишу первым? Ну, конечно, Ильдар! Отмывать его пришлось из пожарного брендспойта холодной сентябрьской водой часа полтора – раствор-то в СССР замешан, сами понимаете... Потом кожа с него месяца два сходила лохмотьями... Но выжил.

...По окончании университета Ильдар работал в администрации Тюменской области, занимался проблемами коренных народов Западной Сибири. Видать, хорошо занимался. На этом поприще и воплощал в жизнь свою идею самостоятельного развития всего Зауралья. Но недолго. Убили Ильдара...

К сожалению, нет уже среди нас ни Ильдара Шарاپова, ни Бориса Кузнецова, ни Михаила Аниканова. Навсегда остался в горах Северного Урала Василий Рева. Десять дней не дожил до нашей встречи Вячеслав Лебедкин. Ушли Владимир Алексеевич Данилов, Светлана Степановна Сохатюк, Игорь Николаевич Сосновкин, Николай Сергеевич Половинкин, Владимир Викторович Коновалов.

А ведь в жизни ничто не меняется. Да, повзрослели, погрузнели, поседели... Кто-то женился, кто-то развелся, кто-то растит детей, а некоторые уже нянчатся с внучками и внуками. Кто-то достиг, а кто-то наслаждается жизнью. Кто-то ушел... уже навсегда...

Ну и что? Ведь в душе мы все остались теми же первокурсниками историко-филологического факультета Тюменского государственного университета...

– Ребята, привет! Как дела?

А в ответ – привычное:

– Вовка! Здорово!